

ЗОЛОТОЕ
ДЕТСТВО

1-12
1955-16

XVI
10

XVI $\frac{45}{10}$

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

~~с. № 24.~~

Годъ изданія девятый.

НОЯБРЬ.

№ 1.-12

1915.

XVII 45
10

нет. № 9.

1915-162

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- ОСЕННЯЯ ПОРА (стих.).
- НЕОЖИДАННАЯ ВСТРѢЧА.
- ПЕРВОЙ СНѢЖОКЪ (стих.).
- НА БЕРЕГУ.
- ВЪ МЕТЕЛЬ.
- ГОЛОВОЛОМКИ.
- РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

- Станція желѣзной дороги (для склеиванія).
- Съ четырехъ угловъ (игра).

№ 1. Ноябрь, 1915.

Годъ изданія IX-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 1-22

84

$\frac{3}{4}$

34.8

За работой.

ОСЕННЯЯ ПОРА.

Стоить ненастная пора,
 То снѣгъ, то дождь.. Зимою вѣть...
 И такъ темно-темно съ утра,
 А въ три часа опять темнѣть.

Какъ стало поздно разсвѣтать!
 Бывало, солнце свѣтитъ ярко,
 Ужь въ шесть часовъ не хочешь
 Съ кровати прыгъ — бѣжишь по парку...

Едва надѣвши башмаки,
 Бѣжишь черезъ лугъ, травой роси-
 стой,
 Чтобы умыться изъ рѣки,
 Въ ея водѣ кристально-чистой.

Затѣмъ помчишься въ огородъ,
 Наѣшься вдоволь ягодъ спѣлыхъ,
 Набьешь горохомъ полный ротъ,
 Найдешь грибовъ простыхъ и бѣлыхъ...

И вотъ ужъ осень!.. Нѣтъ грачей,
 Замерзла ласковая рѣчка,
 И вмѣсто солнечныхъ лучей,
 Мерцаетъ грустно въ дѣтской свѣчка...

Кузнечикъ.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРѢЧА.

Я никогда не былъ особенно красивъ. Шерсть на мнѣ всегда была буровато-грязнаго цвѣта, лапы и теперь у меня несоразмѣрно коротки въ сравненіи съ величиной тѣла и это всегда придавало мнѣ нѣкоторое сходство съ таксой; но я вовсе не былъ таксой: у меня слишкомъ тупая, короткая морда и коротенькій хвостикъ, похожій на сосиску. Меня нельзя причислить ни къ одной определенной породѣ, потому что я обладаю признаками всѣхъ породъ вообще. Я даже и не дворняжка, потому что, какъ бы некрасива она ни была, она всегда обладаетъ признаками своей породы. Но несмотря на это, я, говорятъ, очень забавенъ. Мой коротенькій хвостикъ добродушно вертится изъ стороны въ сторону, и когда со

мною разговариваютъ люди, то я оскаливаю зубы и фыркаю и это бываетъ похоже на ихъ смѣхъ.

— Смотрите! говорятъ они. — Кутька смѣется!

Но какъ бы я ни былъ некрасивъ и не породистъ, я могу утверждать, что обладаю всѣми качествами, которыя требуются отъ хорошей собаки: я остороженъ, умѣю находить дорогу, люблю задирать другихъ собакъ и отличаюсь безграничною вѣрностью.

Я родился на окраинѣ Петрограда и, какъ и всѣ собаки, совершенно не помню своего ранняго дѣтства. Какъ-то утромъ я увидалъ себя въ канавѣ около тротуара, самъ не зная, какъ попалъ въ нее изъ конуры, въ которой кормила меня мать. Мнѣ было холодно, я скулилъ и съ удивленіемъ озирался по сторонамъ еще мутными глазами и нюхалъ воздухъ. Впоследствии, изъ разговоровъ людей, я узналъ, что моя мать попала подъ трамвай и мы, ея щенята, околѣвали съ голоду и жалобно стонали, призывая ее къ себѣ. Но она не приходила. Дворнику надоѣли наши стоны и визги и онъ рѣшилъ раздать всѣхъ насъ по своимъ знакомымъ. Трехъ щенковъ, наиболѣе красивыхъ, онъ скоро пристроилъ, а меня не взялъ отъ него никто.

— Куда намъ такую дрянъ? говорили ему.

— Ну, такъ пушай его околѣ-

ваетъ! рѣшилъ дворникъ и выбросилъ меня въ канаву.

Къ счастью, мимо того мѣста проходилъ какой-то человѣкъ. Услышавъ мои жалобныя попискиванія, онъ нагнулся надо мною и сталъ меня гладить.

— Бѣдняга! сказалъ онъ. — Тебя навѣрное выбросили!

Почувствовавъ на своемъ тѣлѣ теплую руку, я высунулъ розовый языкъ и сталъ ее лизать.

— Что же мнѣ теперь съ тобой дѣлать? продолжалъ человѣкъ. — Ужъ очень ты, братъ, некрасивъ! А все-таки мнѣ тебя жаль! Развѣ взять тебя съ собою? Ну, иди сюда! Пойдемъ!

Онъ поднялъ меня и сунулъ къ себѣ за пазуху. Я тотчасъ же пригрѣлся и заснулъ и совершенно не помню, сколько времени и куда именно онъ шелъ. Когда же мы пришли къ нему домой, то маленькая дочь его квартирной хозяйки, выучивъ на завтра уроки, укладывала въ сумку книги. Онъ подошелъ къ ней сзади и незамѣтно положилъ ей въ сумку и меня. Она обрадовалась, взвизгнула и схватила меня на руки.

— Мама, мама! закричала она. — Посмотри, что мнѣ Глѣбъ Иванычъ принесъ!

Мать оставила свое шитье и подошла къ дѣвочкѣ.

— Какой славненькій!.. сказала она. — Надо бы его покормить!

И, обратившись къ жильцу, она спросила его:

— Гдѣ вы его взяли?

— Я шелъ со службы и нашелъ его въ канавѣ, отвѣтилъ Глѣбъ Иванычъ.— Мнѣ стало его жаль, я и принесъ его сюда для Лизы. Пусть она имъ поиграетъ!

Лиза забыла о своихъ книжкахъ и тотчасъ же занялась мною. Она налила въ блюдце молока и поставила его передо мною. Но я еще ничего тогда не понималъ. Тогда она схватила меня за шиворотъ и ткнула мордой въ молоко.

— Ышь! сказала она.

Я облизнулся и понялъ, что это хорошо, но лакать все-таки еще не умѣлъ.

— Онъ еще не умѣетъ ѣсть самъ, сказалъ Глѣбъ Иванычъ.— Его придется кормить съ тряпочки!

— Какъ это съ тряпочки? спросила Лиза.

— А вотъ посмотри!

Онъ положилъ въ молоко тряпочку и, когда она намокла, сунулъ мнѣ въ ротъ одинъ ея кончикъ. Я тотчасъ же сталъ его сосать и высосалъ такимъ образомъ черезъ тряпку все молоко.

— Ну, вотъ видишь! сказалъ Глѣбъ Иванычъ.— Теперь онъ сытъ!

И, дѣйствительно, я былъ теперь, какъ барабанъ: такъ я напился молока.

Затѣмъ Лиза, ея мать и Глѣбъ Иванычъ долго совѣщались, какъ меня назвать. Съ общаго согласія

рѣшили дать мнѣ кличку „Кутька“. Такъ я и сталъ называться Кутькой.

Дней пять спустя, я уже самъ лакать изъ блюдечка молоко, а мѣсяца черезъ три уже бѣгалъ за Лизой на цѣпочкѣ и грызъ самыя твердыя кости. Сколько помню, я никогда не былъ сытъ. Я готовъ былъ ѣсть каждую минуту и вѣчно глядѣлъ людямъ въ глаза. Сколько бы мнѣ ни давали, я съѣдалъ все и начиналъ просить опять.

— Ну, что глядишь? кричала на меня мать Лизы.— Пошелъ вонъ!

Мнѣ становилось стыдно и, поджавъ виновато хвостъ, я уходилъ на время къ себѣ въ уголь.

Глѣбъ Иванычъ во всемъ городѣ былъ одинъ, никого родныхъ у него не было и работалъ онъ гдѣ-то на заводѣ на другомъ концѣ. Жилъ онъ у Лизиной матери на хлѣбникомъ уже давно, очень любилъ Лизу и скоро привязался и ко мнѣ. Его одиночество тяготило его и было причиной того, что ему всегда хотѣлось имѣть близкаго друга,—и вотъ онъ почувствовалъ ко мнѣ какое-то особенное расположеніе, точно я былъ не собака, а человѣкъ. Всякій разъ, когда Глѣбъ Иванычъ отправлялся къ себѣ на заводъ, я обязательно провожалъ его и, съ сознаниемъ исполненнаго долга, черезъ весь городъ возвращался домой одинъ. Это нравилось Глѣбу Иванычу, и онъ часто меня ласкалъ.

— Ахъ, ты мой песикъ! говорилъ онъ и трепалъ меня по спинѣ.—Хоть ты и скверной породы, а все-таки ты преданная и умная собака!

Мнѣ тоже нравились его ласки и я отвѣчалъ ему тѣмъ, что ложился на спину вверхъ брюхомъ, или же вилялъ ему своимъ хвостомъ, похожимъ на сосиску.

Глѣбъ Иванычъ былъ дальній. Онъ пріѣхалъ въ Петроградъ съ юга, изъ Севастополя, гдѣ остались у него жена и маленькая дочь. Онъ каждый мѣсяцъ посылалъ имъ туда деньги, но онѣ рѣдко ему писали, и это его волновало. А затѣмъ случилось такъ, что онѣ и вовсе перестали ему писать — и тогда онъ засбирался къ себѣ домой.

— Что-бы это могло значить, что онѣ мнѣ не пишутъ? въ отчаяніи задавалъ онъ себѣ вопросъ. — Ужъ живы ли онѣ? Не стряслось ли надъ ними какой-нибудь бѣды?

Но чтобы уѣхать домой, Глѣбу Иванычу нужны были деньги, а ихъ у него не было, и пришлось копить. Но скоро ли накопишь, когда приходилось и жить самому, и посылать каждый мѣсяцъ семьѣ? Тѣмъ не менѣе онъ отказывалъ себѣ во всемъ, не доѣдалъ и не допивалъ и сберегалъ лишнюю копейку на дорогу.

— Скоро я поѣду къ себѣ на родину... говорилъ онъ Лизѣ. — По-

видаюсь тамъ съ дочерью и съ женой. У меня тамъ такая же дочь, какъ и ты, однихъ лѣтъ. Зовутъ Катей. Воображаю, какъ она мнѣ обрадуется!

Какъ вдругъ произошелъ случай, который сразу же измѣнилъ мою жизнь.

Заводъ, на которомъ служилъ Глѣбъ Иванычъ, приготовилъ какіе-то товары, которые должны были быть отправлены за границу. Ихъ свезли въ ящикахъ на пристань и сложили прямо на берегу въ ожиданіи погрузки. Долго ожидали парохода. Затѣмъ пришелъ пароходъ, разгрузился и сталъ грузить на себя эти ящики. Пароходъ былъ русскій. Для наблюденія за товаромъ былъ назначенъ на пристань Глѣбъ Иванычъ. Онъ ходилъ туда каждый день и всякій разъ сопровождалъ его туда и я. Мнѣ было очень скучно дожидаться его на берегу и отъ нечего дѣлать я бродилъ по набережной и заводилъ знакомства съ другими собаками, игралъ съ ними или же дрался такъ, что мальчишки бросали въ насъ чѣмъ попало, чтобы только насъ рознять.

Однажды я сѣпился такъ съ большимъ псомъ, который оказался сильнѣе меня и такъ укусилъ меня за спину, что она распухла. Я завизжалъ и отошелъ въ сторону. Прибѣжала другая собачка, поменьше, и спросила меня, въ чемъ дѣло.

— Кто кого побилъ? задала она вопросъ.

Мнѣ было стыдно сознаться, что меня осилили, и я отвѣтилъ:

— Ну, конечно, я! Я такъ сейчасъ ударилъ своей спиной по его зубамъ, что она у меня даже распухла. Теперь онъ будетъ долго меня помнить!

— Пойдемъ со мной погулять!

— Да нельзя!.. Жду хозяина... Онъ застрялъ на пароходѣ и вотъ не выходитъ оттуда уже часа два!..

— Пойдемъ на минутку! Я представлю тебя своимъ друзьямъ.

Я соблазнился и мы побѣжали.

Тогда я былъ молодъ и любилъ поиграть съ другими собаками. Мое новое знакомство оказалась интереснымъ, я заигрался и совсемъ позабылъ о Глѣбѣ Ивановичѣ. Когда я побѣжалъ къ пароходу, то его уже тамъ не было и онъ ушелъ домой. Я хотѣлъ было побѣжать за нимъ вдогонку по запаху отъ его слѣдовъ, но въ это время одинъ матросъ сказалъ другому, указавъ на меня:—

— Смотри, какая чудная собака! Какой она породы?

— Это — крысоловка, отвѣтилъ тотъ, не долго думая.— Она можетъ ловить крысъ и мышей.

— Въ такомъ случаѣ возьмемъ ее къ себѣ на пароходъ! У насъ пропасть развелось этой дряни. Пуцай ихъ переловить!

Матросъ вытащилъ изъ кармана кусокъ обгрызаннаго сахару и по-

манилъ имъ меня къ себѣ. Я любилъ сахаръ и довѣрчиво подошелъ къ нему. Какъ вдругъ онъ бросился ко мнѣ, схватилъ меня и побѣжалъ со мною на пароходъ. Почувявъ опасность, я сталъ вырываться и кусаться, но онъ крѣпко держалъ меня за шиворотъ и не выпускалъ до тѣхъ поръ, пока не спустился со мною куда-то внизъ. Тамъ онъ заперъ меня куда-то въ темный чуланъ.

— Теперь онъ не уйдетъ! сказалъ онъ.—Теперь онъ нашъ!

Когда меня выпустили затѣмъ на свободу, то пароходъ былъ уже въ открытомъ морѣ. Я слышалъ, какъ онъ отчаливалъ отъ берега, какъ поднимались на немъ якоря и какъ шипѣла машина, но не понималъ этого и жалобно скулилъ. Мнѣ было жаль, что я не увижу уже болѣе ни Глѣба Ивановича, ни Лизы, ни ея матери. Конечно, я уже не могъ пуститься по морю вплавъ и долженъ былъ примириться съ своей судьбой. Я забился въ уголъ, долго изъ него не выходилъ, не ѣлъ, не пилъ и все думалъ о своихъ хозяевахъ. Но у меня былъ покладистый характеръ, я легко понималъ все то, чего отъ меня требовали люди, и потому скоро привыкъ къ своему положенію и сталъ дѣйствительно ловить крысъ и мышей. Мы плыли долго, недѣли двѣ, и за это время я и здѣсь сдѣлался всеобщимъ любимцемъ. Меня полюбили всѣ матросы,

играли со мной и отлично меня кормили. Я никогда не былъ голоденъ. Въ глубинѣ своего собачьяго сердца я даже былъ доволенъ, что попалъ сюда, хотя и сокрушался о томъ, что больше никогда уже не увижу своихъ.

— Если-бы я не отставалъ отъ своего хозяина ни на шагъ, думалъ я,—и если-бы не соблазнился на кусочекъ сахару, то этого не случилось-бы вовсе. Значить, я ласкомка и глупъ. Можетъ быть, хозяинъ теперь плачетъ безъ меня и даже умеръ отъ горя, а я вотъ здѣсь бѣгаю по палубѣ и ѣмъ за гроихъ... Какъ я былъ непростительно легкомысленъ!

Мы приѣхали въ какой-то иностранный городъ, выгрузили въ немъ свои ящики и, нагрузившись вновь, поплыли далѣе. Такъ мы дѣлали по пути нѣсколько разъ и все плыли и плыли и, какъ я слышалъ отъ матросовъ, огибали какую-то Европу. Вездѣ, гдѣ только мы ни приставали, говорили на непонятныхъ для меня языкахъ. Когда-же прошло два мѣсяца, то я снова услышалъ русскую рѣчь, потому что мы приплыли опять въ русскій городъ. Я понюхалъ воздухъ и снова почувствовалъ въ немъ русскій запахъ.

— Ну, слава Богу! сказали матросы.—Мы опять въ Россіи! Хотъ и съ другого ея конца, хотъ и въ Крыму,—а все-таки опять на родинѣ!

Я обрадовался и выбѣжалъ на берегъ. Звонилъ на церкви колоколъ, раздавались русскіе голоса и мое сердце наполнилось радостными воспоминаніями.

— Теперь я пойду искать здѣсь Глѣба Иваныча! рѣшилъ я и побѣжалъ черезъ весь городъ.

Я не учился географіи, и потому не понималъ, что пароходъ пришелъ не въ Петроградъ, а въ Севастополь. Я чуялъ, что я снова на родинѣ, но мнѣ было какъ-то странно и дико, что съ тѣхъ поръ, какъ я отплылъ за границу, все на берегу какъ будто-бы перемѣнилось. Даже небо и море стали вдругъ не того цвѣта, какого были.

Пока нашъ пароходъ разгружался, на меня никто не обращалъ вниманія, и я могъ свободно бѣгать по всему городу. Я прибѣгалъ обратно, чтобы только поѣсть и посмотреть, все-ли на пароходѣ въ порядкѣ. Убѣдившись, что ничего особеннаго не произошло, я снова убѣгалъ и принимался за поиски своего хозяина.

Однажды я забѣжалъ отъ пристани далѣе, чѣмъ обыкновенно. Было жарко, мнѣ очень хотѣлось пить, и я рѣшилъ немножко отдохнуть. Высунувъ языкъ, я забѣжалъ въ чей-то дворъ, почти сплошь заставленный бочками изъ-подъ вина, легъ тамъ въ тѣни около одной изъ нихъ и какъ-то незамѣтно для себя самого заснулъ. Какъ вдругъ тяжкая боль заставила

Ласки матери.

Въ горномъ ущельѣ.

меня проснуться и вскочить. Не видя меня, рабочій сталъ катить ту бочку, около которой я лежалъ, и отдалъ мнѣ лапу.

— Ай-ай-ай! Ай-ай-ай! Ай-ай-ай! закричалъ я, едва пересиливая боль и убѣгая на трехъ ногахъ.

— Сама виновата! слышался позади меня голосъ рабочаго. — Кто-же зналъ, что ты тамъ лежишь! На подвертывайся!

Долго еще я бѣжалъ и вылъ, потряхивая отъ боли передней лапой. Поплакавъ еще четверть часа, я наконецъ успокоился и заковылялъ къ себѣ обратно на пароходъ. Но ноги едва меня несли. Боль отъ лапы распространилась по всему моему тѣлу. Мнѣ трудно было бѣжать. Я сѣлъ у забора, потомъ легъ, и сталъ жалобными глазами оглядывать прохожихъ. Мнѣ ужасно хотѣлось пить. Высуня языкъ и изнемогая отъ жажды, я лежалъ подъ заборомъ, то бодрствуя, то переходя въ полузабытье, и мнѣ казалось, что я сейчасъ умру и что мнѣ не добѣжать уже до воды никогда...

— Посмотри, мама, какая несчастная собака! вдругъ раздался около меня чей-то дѣтскій голосъ.

Я увидалъ около себя какую-то просто одѣтую женщину и съ ней дѣвочку лѣтъ девяти. Обѣ нагнулись надо мной и стали меня оглядывать. Женщина тронула меня именно за ту лапу, которая была отдавлена, и я завизжалъ.

— Бѣдная! сказала она.—У нея болитъ нога... Но гдѣ-же ея хозяинъ? Отчего онъ не позаботится о ней!

— Не наклоняйся, мама, тебѣ вредно! сказала дѣвочка.—Дай, я ее осмотрю!

Я замѣтилъ, что женщина была какъ-то ужъ очень худа и блѣдна. Впослѣдствіи я узналъ, что она была очень долго больна и пролежала въ больницѣ.

— Возьмемъ ее, мамочка, къ себѣ! вдругъ предложила дѣвочка.

— Возьмемъ! отвѣтила мать. — Только ты, Катя, не прижимай ее близко къ себѣ, а то она грязная! Испачкаешься.

Дѣвочка подняла меня съ земли и не прошло и получаса, какъ я былъ уже у нихъ въ домѣ.

Жили онѣ бѣдно, въ какомъ-то пригородѣ, который назывался Слободкой. Ихъ домикъ состоялъ всего только изъ двухъ маленькихъ комнатокъ, и полы въ немъ были обмазаны глиной. Катя устроила мнѣ въ уголку постель и уложила меня тамъ на старомъ половику. Я почувствовалъ себя здѣсь, какъ дома, въ особенности послѣ того, какъ попилъ и поѣлъ, и сталъ лизать дѣвочкѣ руки.

— Какъ-же мы его назовемъ? спросила мать.

— Знаешь, мама, отвѣтила Катя,— я назову ее Кутькой! Вотъ и папа намъ писалъ, что у него въ Петроградѣ тоже была собака Кутька, да пропала. Помнишь, какъ онъ

писалъ намъ, что та дѣвочка Лиза, у которой онъ жилъ, объ этомъ долго плакала!..

Мать вздохнула.

— Напиши папѣ скорѣе! сказала она. — А то я сколько вот времени была больна, такъ что не вставала съ постели!..

Мнѣ было у Кати хорошо, обо мнѣ заботились, сытно меня кормили, и я скоро поправился со всѣмъ и сталъ всюду бѣгать за Катей и за ея матерью. Я привязался къ нимъ, полюбилъ ихъ отъ всего моего собачьяго сердца, но все еще никакъ не могъ позабыть о Глѣбѣ Иванычѣ и Лизѣ. Я думалъ о нихъ, часто видѣлъ ихъ во снѣ и отъ этого мнѣ становилось очень грустно.

Прошелъ мѣсяць. Катя отправилась однажды къ той женщинѣ, у которой училась. Эта женщина содержала нѣчто въ родѣ школы для бѣдныхъ дѣтей, брала за ученіе всего только по шестьдесятъ копеекъ въ мѣсяць и тѣмъ только и жила. Ученицъ у нея было человѣкъ пятнадцать и все дѣвочки бѣдныхъ родителей. Онѣ обожали эту старушку, и она относилась къ нимъ, какъ мать. Я часто забѣгалъ вмѣстѣ съ Катей къ нимъ во дворъ, и дѣвочки тотчасъ-же бросались ко мнѣ и начинали со мной играть, а старушка всегда отзывала меня къ сторонѣ и давала мнѣ чего-нибудь поѣсть.

— Не трогайте его, дѣвочки, го-

ворила она. — Быть можетъ, онъ голодный!..

Изъ школы домой я возвращался всегда одинъ. И вотъ когда я шелъ однажды и оглядывался по сторонамъ въ надеждѣ познакомиться или подрасться съ какой-нибудь встрѣчной собакой, вдругъ я увидалъ какого-то человѣка, который очевидно, шелъ съ вокзала, потому что за плечами у него была котомка. Я взглянулъ на него, какимъ-то особымъ, давно уже знакомымъ, запахомъ вдругъ повѣяло отъ него, и я сразу-же его узналъ.

Это былъ Глѣбъ Иванычъ.

Невѣроятная, безграничная радость вдругъ овладѣла всѣмъ моимъ существомъ. Я позабылъ все, у меня помутилось въ глазахъ, сердце сжалось и съ громкимъ визжаньемъ, переходившимъ иногда въ веселый залиvistый лай, я бросился къ нему и преградилъ ему дорогу. Затѣмъ я сталъ бросаться на него и, несмотря на свои очень короткія ноги, такъ высоко подпрыгивалъ, что едва не доставалъ до его губъ.

— Вѣдь это я! Вѣдь это я! старался я ему сказать. — Вѣдь, я узналъ тебя по первому-же твоему запаху!

Онъ сначала подумалъ, что я хочу на него броситься и укусить его, и въ испугѣ отступилъ назадъ. Но затѣмъ онъ тоже узналъ меня и, полный удивленія, воскликнулъ:

— Кутька! Здравствуй! Какими судьбами? Какъ ты очутился здѣсь?

И все еще не понимая, какъ я могъ очутиться въ этомъ южномъ городѣ, онъ сбросилъ съ себя свою ношу и сталъ меня ласкать, и прижимать меня къ груди.

— Кутька! повторялъ онъ. — Мой милый, преданный Кутька!— Неужели-же это ты? Да какъ же это ты могъ оказаться въ Севастополѣ?

Ахъ, что это была за радостная встрѣча! Я просто обезумѣлъ отъ восторга. Я лизалъ своего хозяина въ щеки, въ лобъ, въ губы, онъ утирался рукавомъ, я вертѣлся у него въ рукахъ, ложился на спину и обнажалъ передъ нимъ въ знакъ довѣрія брюхо, а онъ все гладилъ меня и повторялъ:—

— Кутька! Кутька! Милый, славный Кутька!

А когда поутихли наконецъ мои восторги и изліянія, и Глѣбъ Ивановичъ сталъ продолжать свой путь, то я гордо побѣждалъ впереди его. Развѣ я не нашелъ его самъ? Развѣ я могу теперь бросить его хоть на одну минуту?

Но тутъ мнѣ пришли на умъ Катя и ея мать. Развѣ я могу бросить и ихъ? Развѣ я могу имъ измѣнить? Нѣтъ, я останусь вѣренъ и тому, и другимъ. Для этого я постараюсь свести ихъ вмѣстѣ, познакомить Глѣба Ивановича съ дамами и какъ-нибудь устроить такъ, чтобы они жили всѣ вмѣстѣ. Тогда и мнѣ, Кутькѣ, не придется дѣлать своего собачьяго сердца пополамъ.

И я схватилъ зубами за край его пальто и потащилъ его влѣво.

— Куда-ты меня ведешь? спросилъ онъ меня. — Вѣдь мнѣ еще нужно зайти въ адресный столъ, чтобы узнать, гдѣ живутъ мои жена и дочь!

Но я не выпускалъ его полы изъ зубовъ и насильно тащилъ его туда, куда хотѣлъ. Повидимому, изъ любопытства, онъ послѣдовалъ за мной.

Виляя дѣловито своимъ хвостомъ, я привелъ его къ той сторушкѣ, у которой училась Катя. У калитки я поднялся на заднія лапки и позвонилъ зубами въ звонокъ. Намъ отворили. Я вошелъ въ калитку первый. Въ это время ученицы бѣгали по двору и играли въ какую-то общую игру. Увидѣвъ меня, онѣ всѣ тотчасъ-же бросили игру и подбѣжали ко мнѣ.

— Кутька пришелъ! закричали онѣ.—Кутька явился!

Но уже я не обращалъ ровно никакого вниманія на ихъ возгласы и ласки; я прямо подошелъ къ Катѣ, взялъ ее зубами за передникъ и подвелъ къ Глѣбу Ивановичу.

Онъ увидалъ ее и остолбенѣлъ.

— Катя! воскликнулъ онъ.—Да какъ-же ты выросла? Какая ты стала большая!

Она тоже узнала его, слезы брызнули у нея изъ глазъ, и она бросилась къ нему на шею.

— Папа! Папа! закричала она.— Милый папа!

Онъ прижалъ ее къ сердцу и сталъ ее цѣловать. Дѣвочки стояли тутъ-же и имъ было дико и странно присутствовать при этой встрѣчѣ дочери съ отцомъ и въ то же время, какъ я могъ почуять, что-то милое, нѣжное, наполнило ихъ души.

Затѣмъ мы втроемъ отправились домой. Я бѣжалъ попрежнему впередъ и вилялъ хвостомъ. А когда я ввелъ Глѣба Иваныча въ домъ, и онъ встрѣтился со своей женой, — вотъ тутъ-то радостямъ и возгласамъ не было конца! Даже я самъ сталъ выть и забился въ уголъ подъ табуретку. Мнѣ уже невыносимо было больше прыгать и визжать, и я поднялъ такой вой, что люди могли-бы подумать, что я предчувствую пожаръ. Но скоро все обошлось, и не прошло и полчаса, какъ я уже вертѣлся у ихъ

ногъ и старался заглянуть имъ въ самые глаза.

А вечеромъ Глѣбъ Иванычъ писалъ Лизѣ въ Петроградъ слѣдующее письмо:—

„Кутька нашелся! Какъ онъ попалъ сюда, я не понимаю, но онъ сейчасъ около меня и вертится у моихъ ногъ. Вотъ, если бы ты тоже приѣхала съ мамой сюда и познакомилась-бы съ моей Катей! Она уже выросла и ходитъ учиться. Каждый день ее провожаетъ Кутька въ школу и приводитъ ее и обратно. Это хорошій, преданный, вѣрный пестъ!“

Глѣбъ Иванычъ прочелъ это письмо своей женѣ и Катѣ вслухъ, и я горделиво повилялъ хвостомъ. Значить, и я могу на что-нибудь пригодиться! Значить, главное въ жизни не наружность, а добрыя качества—и я доказалъ это на дѣлѣ.

М. Б—скій.

ПЕРВЫЙ СНѢЖОКЪ.

Снѣгъ выпалъ первый... Такъ пушисто!
Въ узорахъ нѣжныхъ все стекло,
Кругомъ такъ славно, серебристо
И стало сразу вдругъ свѣтло.

—
Теперь не будетъ ужъ ненастья,
Теперь не будетъ ужъ дождей,
Дорога встанетъ... То-то счастье!
Иди жъ, зима, иди скорѣй!

И мы ложимся и съ надеждой,
Что ужъ зима, идемъ ко сну,
А только утро,—безъ одежды
Ужъ мы толпой бѣжимъ къ окну—

—
И всюду блестки!.. Вдалекѣ
Темнѣютъ ели; и долины,
Какъ мягко взбитыя перины,
Пушисто стелются къ рѣкѣ.

К—ъ.

НА БЕРЕГУ.

Это была дѣвочка лѣтъ девяти, еще съ колыбели потерявшая свою мать. Ея отецъ, вѣчно занятый своими дѣлами, не вмѣшивался въ ея воспитаніе и всѣ заботы о ней возложилъ на старую няню Агашу. Няня не чаяла въ ней души, но такъ какъ сама была женщиной простой и малообразованной, то нисколько не обращала вниманія на ея образованіе. Привыкшая къ тому, чтобы исполнялось малѣйшее ея желаніе, дѣвочка совершенно не знала, что такое возраженіе, и стоило ей только чего-нибудь захотѣть, какъ слѣпо обожавшая ее няня бросала все и дѣлала то, что приказывала ей ея любимица. Старушка буквально по цѣлымъ часамъ должна была рассказывать ей сказки и всякія исторіи, несмотря на то, что ея старческая память давно уже стала ей измѣнять.

Отецъ замѣчалъ, что его дочь растетъ безъ всякаго руководства, и рѣшилъ нанять для нея гувернантку. Дѣвочка узнала объ этомъ, вспыхнула, залилась слезами и рѣшительно заявила, что заниматься съ гувернанткой не будетъ.

— Я ненавижу ее уже сейчасъ, воскликнула она,—а когда она пріѣдетъ, то я наговорю ей грубостей и не стану съ ней разговаривать!

Няня тоже, какъ говорится, встала на дыбы. Она не хотѣла уступить свою питомицу какой-то неизвѣстной еще „чужой“ и, усадивъ рыдавшую дѣвочку къ себѣ на колѣни, стала ее утѣшать и укачивать, какъ малаго ребенка.

— Ну, полно, полно, моя милая!.. Успокойся, Сонечка!.. Развѣ можно ненавидѣть своего ближняго? Оно, конечно, ее вовсе не слѣдовало-бы нанимать, а уже разъ наняли, то надо подчиниться... Не плачь, дѣтка моя милая. Сживется-стерпится!

Какъ разъ во время этой сцены въ дѣтскую вошелъ мальчикъ лѣтъ восьми. Увидѣвъ рыдавшую Соню, онъ испугался и спросилъ:

— Ты чего ревешь?

— Ахъ, Васенька, Васенька, со вздохомъ отвѣтила ему няня.— Если-бы ты зналъ, батюшка, какое горе надъ нами стряслось!

— Какое горе?

Соня соскочила съ колѣни няни и быстро-быстро заговорила:

— Папа нанялъ ко мнѣ гувернантку, чтобы она слѣдила за каждымъ моимъ шагомъ и мучила меня своими дурацкими уроками музыки и французскимъ языкомъ. Я заболѣю, умру, я не хочу больше жить!..

Вася рѣшительно встряхнулъ головой и подмигнулъ бровями.

— Ничего, сказалъ,—ты успокойся! Мы отдѣлаемся отъ нея. Мы такое ей подстроимъ, что она уйдетъ отъ тебя сама.

— Какъ-же мы это сдѣлаемъ? спросила Соня.

— Она останется довольна! продолжалъ Вася.—Она долго будетъ насъ помнить.

Старушка-няня покачала головой.

— Глупенькіе... сказала она.—Развѣ можно такъ поступать съ людьми? Хоть она и гувернантка, хоть она и чужая, а все-таки человѣкъ... Да и папа очень сердиться будетъ...

Но дѣти не слушали ее и, взявшись за руки, весело убѣжали въ садъ. Тамъ они долго ходили по аллеямъ и все придумывали, какъ-бы получше досадить гувернанткѣ. Вася жилъ въ другой усадьбѣ, былъ двоюроднымъ братомъ Сони, но считалъ своею обязанностью приходить каждый день къ своей двоюродной сестрѣ и защищать ее, какъ рыцарь.

Въ назначенные день и часъ въ домъ пріѣхала гувернантка. Это была молодая дѣвушка, одѣтая въ скромное, черное платье. Перчатки у нея тоже были черныя и на шляпѣ у нея былъ черный крепъ. По всей фигурѣ ея было видно, что она носила по комъ-то трауръ. Она была блѣдна, повидимому, не отличалась здоровьемъ, но ея грустные глаза

свѣтились добротою и на губахъ играла ласковая, немного печальная улыбка

— Да она ничего себѣ!.. шептала няня Сонѣ, подводя ее къ гувернанткѣ и низко склонившись надъ дѣвочкой, чтобы не выдать своего смущенія.—Она, кажется, добрая...

Соня строптиво подошла къ гувернанткѣ и холодно приняла отъ нея поцѣлуй. Гувернантка стала ласково разспрашивать ее, какъ она живетъ и проводитъ свое время, но Соня нахмурилась, опустила голову и неохотно ей отвѣчала. Гувернантка приняла это за обычную у дѣтей робость, и подумала:

„Это обойдется! Она привыкнетъ ко мнѣ и все пойдетъ, какъ по маслу!“

Няня тоже хмурилась. Она вынянчила еще отца Сони и ей было обидно и больно, что ее замѣняли какой-то чужой невѣдомой гувернанткой. И чтобы не показаться сразу непривѣтливой, она пересилила себя и спросила:

— Васъ, барышня, какъ зовутъ?

— Анна Сергѣевна, отвѣтила гувернантка.

Весь этотъ день Анна Сергѣевна провела за раскладкой своихъ вещей и за устройствомъ своего новаго жилища и только послѣ обѣда обратилась къ Сонѣ съ вопросомъ:

— А ты познакомишь меня здѣсь со всѣмъ? Ты проведешь меня погулять?

Соня молча согласилась. Анна

На лѣсной полянкѣ.

Лакомка.

Сергѣевна взяла ее за руку и онѣ вышли въ садъ. Онѣ шли по аллеямъ, но Соня продолжала дичиться, и это стало стѣснять гувернантку.

— Отчего ты все молчишь? спросила она.— Давай поговоримъ о чемъ-нибудь! Ну, расскажи мнѣ, какія у тебя игрушки, кто твои подруги?.. Будь смѣлѣе!

— Соня сказала двѣ-три фразы и опять умолкла. Положеніе становилось напряженнымъ.

Гувернантка вздохнула.

„Какъ она не похожа на мою сестру!“... подумала она.

И ей, здѣсь, на чужбинѣ, пришли на умъ другія черты лица, другая дѣтская головка съ открытымъ ласковымъ взглядомъ доверчивыхъ голубенькихъ глазъ... Теперь уже вечеръ. Навѣрное, эта головка склонилась теперь тамъ, далеко, у себя дома, надъ книжкой или тетрадкой и прилежно учитъ уроки. У нея, у этой дѣвочки, нѣтъ родныхъ никого на свѣтѣ, она тоже въ траурѣ, а ея старшая сестра, вотъ эта самая Анна Сергѣевна, должна была идти въ гувернантку,—и такъ несчастливо попала сюда. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ она это сдѣлала! Но бросить все и вернуться обратно было уже нельзя, и гувернантка примирилась со своимъ положеніемъ.

„Будь, что будетъ!“ рѣшила она.— „Поживу здѣсь изъ приличія мѣсяца два,—и уѣду обратно къ сестрѣ. Здѣсь меня не полюбятъ!“

Онѣ вернулись домой. Съ тяжестью на сердцѣ, гувернантка простилась съ Соней и легла спать. Но она долго не могла заснуть, ворочалась, чувствовала себя въ этомъ домѣ чужой и то и дѣло вспоминала о своей маленькой сестрѣ.

Настало утро, начались занятія, пошли затѣмъ дни за днями, но они не измѣнили настроенія. Соня попрежнему держалась особнякомъ, Вася все придумывалъ, чѣмъ-бы насолить гувернанткѣ, а няня при всякомъ удобномъ случаѣ проливали надъ Соней слезы и жаловалась на то, что у нея отняли ея любимицу.

А затѣмъ всѣ переѣхали въ Крымъ на дачу.

Пребываніе у моря нисколько не измѣнило поведенія Сони; случались дни, когда бѣдная Анна Сергѣевна положительно опускала руки и готова уже была признать себя побѣжденной и отказаться отъ мѣста, но, несмотря ни на что, Соня все таки казалась ей доброй, хорошей дѣвочкой, у которой не было матери и которую некому было согрѣть материнской лаской. Даже няня, всегда недружелюбно относившаяся къ гувернанткѣ, теперь поняла ее и стала за ней ухаживать. Казалось, что съ каждымъ днемъ всѣ въ домѣ все болѣе и болѣе начинали оцѣнивать Анну Сергѣевну. Одна только Соня попрежнему висла на нянѣ, попрежнему была съ

ней искренна и откровенна, и никакъ не могла понять Анну Сергѣевну и сблизиться съ ней. Какой-то тайный внутренній голосъ говорилъ ей, что она поступала нехорошо, что нельзя было строптивостью отвѣчать на ласки, но она не могла побѣдить себя, пересилить въ себѣ недовѣріе къ гувернанткѣ и сойтись съ ней поближе.

— Право, отъ такого твоего отношенія ко мнѣ можно даже утопиться! воскликнула однажды Анна Сергѣевна и, потерявъ терпѣніе, хлопнула дверью и отправилась къ морю.

Соня осталась одна. На душѣ у нея было нехорошо. Чувство порядочности давно уже проснулось въ ней, ей давно уже хотѣлось поближе сойтись съ Анной Сергѣевной, но какая-то необъяснимая гордость сковывала ея сердце и не давала ей свободы. Ледъ давно уже долженъ былъ-бы растаять, но весна ея отношеній съ гувернанткой запоздала и между ними все еще былъ холодъ. Сонѣ было неуютно и самой. Няня уже давно оцѣнила Анну Сергѣевну, привыкла къ ней и то и дѣло повторяла:

— Хорошая барышня! Слава Богу, что такая!

А Соня все еще дулась, какъ мышъ на крупу, и не знала, что съ собой дѣлать и какъ себя переломить.

Когда Анна Сергѣевна хлопну-

ла въ досадѣ дверью и ушла къ морю, Соня долго стояла среди комнаты и не знала, что ей дѣлать. Въ первую минуту ей хотѣлось побѣжать за ней, вернуть ее, сказать ей что-нибудь ласковое, пріятное, но она упустила моментъ, и стало уже поздно. Объясниться съ гувернанткой на словахъ она все равно не могла. Слишкомъ ужъ далеко она зашла. Поворота назадъ не было и нужно было что-нибудь особенное, чтобы первая начала Соня. Помедливъ немного и поторговавшись со своею совѣстью, Соня оглядѣлась по сторонамъ.

— Вотъ что, придумала она наконецъ.—Я зайду сейчасъ къ Аннѣ Сергѣевнѣ въ комнату и напишу ей записку: „Простите меня; я буду васъ любить и слушаться всегда“. Я положу эту записку у нея на видномъ мѣстѣ на столѣ и уйду. Она вернется и прочтетъ.

И она вошла къ Аннѣ Сергѣевнѣ въ комнату и стала смотрѣть по сторонамъ, не найдутся ли у нея бумага и карандашъ? Какой-то бѣлый предметъ, лежавшій на каминѣ, привлекъ ея вниманіе. Это было распечатанное письмо. По краямъ его были черныя полоски, что означало трауръ. Адресъ былъ написанъ дѣтскою неустановившейся рукой.

Соня вынула изъ конверта письмо и стала его читать:

„Моя милая, дорогая Аня.

„Отчего ты мнѣ не пишешь? Теперь мнѣ только и осталось,

что вспоминать, какъ мы съ тобою жили вмѣстѣ послѣ смерти нашего папы. Помнишь, какъ, бывало, зимой ты сажала меня за столъ, зажигала лампу и учила меня? Твои уроки были такъ интересны, ты такъ нѣжно ко мнѣ относилась и такъ умѣла хорошо рассказывать! Мы играли съ тобою въ четыре руки, а потомъ вмѣстѣ гуляли, разговаривали... Но ты не безпокойся, моя дорогая сестра, я обѣщала тебѣ не плакать и сдержу свое слово. Я только завидую той дѣвочкѣ, съ которой ты теперь живешь и которую учишь. Какъ она счастлива, что ты около нея! Любитъ-ли она тебя? Ты ничего мнѣ объ этомъ не пишешь. А развѣ можно не любить тебя? Только неужели она стала для тебя лучше, чѣмъ я?».

Соня остановилась и глубоко вздохнула. Странное чувство вдругъ наполнило ея душу. Значить, гувернантка еще ни разу не пожаловалась на нее своей сестрѣ! Неужели - же она дѣйствительно такъ добра?.. И Сонѣ вдругъ сдѣлалось стыдно, что она прочла чужое письмо, но какое-то новое чувство заставило ее продолжать то, что она начала. Это было уже не простое любопытство, а нѣчто болѣе важное, это было угрызение совѣсти и желаніе почувствовать себя такою-же, какою была и эта незнакомая ей маленькая дѣвочка, которая написала это письмо.

„Ты спрашиваешь, продолжала Соня чтеніе,—какъ я провожу время въ нашемъ пансіонѣ и не скучаю-ли я? Немного скучно, такъ какъ теперь лѣто и всѣ развѣхались и только одна я осталась на все лѣто въ пансіонѣ. Но я много читаю и много играю на рояли, кромѣ того я много шью. По вечерамъ я вышиваю тебѣ воротникъ. Я хотѣла сдѣлать для тебя сюрпризъ, но вотъ не выдержала и проговорилась.“

„Будь здорова, не забывай меня и кланяйся Сонѣ. Какъ жаль, что я съ ней не знакома! Должно быть, она хорошая дѣвочка, совсѣмъ не такая, какъ я. Помни, что на всемъ бѣломъ свѣтѣ мы остались съ тобою только двѣ и что ты для меня дороже всѣхъ на свѣтѣ“.

Соня почувствовала, какъ къ горлу у нея подкатили слезы, и строки запрыгали у нея передъ глазами. Она не знала этой дѣвочки, но какой хорошій урокъ преподала ей эта незнакомка своимъ нѣжнымъ отношеніемъ къ сестрѣ! Теперь ужъ и Анна Сергѣевна представилась Сонѣ совсѣмъ другою; теперь это была для нея уже добрая дѣвушка, конечно дорогая для другой такой-же дѣвочки, какъ и Соня, и глубоко несчастная, попавшая на чужбину, и одинокая, какъ перстъ. А сколько разъ Соня, была съ ней груба, несправедлива, сколько разъ она причиняла страданія этой одинокой, безродной сиротѣ!

И Сонѣ вдругъ стало невыразимо тоскливо, обидно и стыдно, что она такъ поздно спохватилась и такъ долго давала волю своему чувству.

— Никогда больше не буду! рѣшила она. — Я злая, скверная!.. Пойду сейчасъ къ Аннѣ Сергѣевнѣ и брошусь къ ней на шею!..

И вдругъ до ея слуха донеслись слова няни Агаши:—

— Бѣдная дѣвушка свалилась въ море и, говорятъ, не умѣла плавать и потонула.

Соня испустила крикъ ужаса. Она вспомнила о послѣдней фразѣ Анны Сергѣевны и тяжкія предчувствія вдругъ овладѣли всѣмъ ея существомъ. Несомнѣнно, это говорилось о гувернанткѣ, и теперь для Соня было ясно, что она погибла, именно благодаря ей.

Но, можетъ быть, она еще жива? Быть можетъ, она еще не захлебнулась совсѣмъ и ее теперь уже вытащили на берегъ и стараются привести ее въ чувство и возвратитъ ее къ жизни, которая такъ нужна была для ея маленькой сестры.

И въ ужасѣ, полная сомнѣній, Соня выбѣжала изъ дома и со всѣхъ ногъ пустилась къ морю..

Увы! Старушка-няня была права: на берегу собралась большая толпа и всѣ только и говорили, что о дѣвущкѣ, упавшей въ море.

— Нашли-ли ее? Вытащили-ли ее? стала спрашивать Соня у встрѣчныхъ и чувствовала, какъ

ноги ея держали и какъ дрожали всѣ ея члены.

— Да, вытащили... отвѣчали ей прохожіе, — только... Впрочемъ, посмотрите сами!

Но она не рѣшилась подойти поближе, чтобы посмотрѣть самой, и только издали увидала женскую фигуру, безнадежно лежавшую на пескѣ, блѣдную, съ волосами, широко разметавшимися вокругъ головы... И ей послышалось вдругъ, какъ ее стала упрекать та маленькая дѣвочка, которая писала письмо, за то, что она такъ жестоко обходилась съ ея сестрой.

Все закружилось вокругъ Соня: и береговые камни, и люди, и корабли. Въ глазахъ у нея помутилось, она хотѣла крикнуть, позвать на помощь, но у нея не хватило силъ, ноги у нея подкосились и всею тяжестью своего тѣла она упала въ чьи-то протянутыя къ ней руки.

— Бѣдняжка! Тебѣ не слѣдовало бы видѣть этой сцены!

Что за чудо? Чьи это слова? Кажется, это голосъ гувернантки!

Соня открываетъ глаза и вдругъ видитъ передъ собою Анну Сергѣевну. Гувернантка стоитъ передъ нею невредима и нѣжно прижимаетъ ее къ себѣ.

— Это вы... бормочетъ Соня.— А я такъ боялась!.. Я думала, что это утонули вы!..

— Значитъ, ты меня хоть немножко жалѣешь? спрашиваетъ ее гувернантка.

— Да... отвѣчаетъ Соня и чувствуетъ, какъ ея сердце вдругъ начинаетъ таять.—Теперь я васъ люблю... Но вы должны прежде узнать все, а потомъ... потомъ...

И она громко начинаетъ плакать.

— Полно, Сонечка, полно, говоритъ Анна Сергѣевна и ласково проводитъ рукой по ея волосамъ. Ты взволнована, дитя мое, тебѣ надо успокоиться... Пойдемъ домой!

И, обнявъ ее за плечо, она направляется съ нею къ дому, а Соня всю дорогу плачетъ и въ то-же время рассказываетъ ей все о себѣ, о нянѣ, о прочтенномъ письмѣ, о Васѣ. И эти слезы сразу облегчаютъ ея сердце и сразу перерождаютъ ее въ другую дѣвочку. Соня поднимаетъ голову, глядитъ въ глаза своей гувернанткѣ и чувствуетъ, какъ между ними устанавливается вдругъ тѣсная связь, какая можетъ существовать только между старшей и младшей сестрой.

— Ну, вотъ! весело восклицаетъ гувернантка.—Давно-бы такъ!

Соня опускаетъ глаза, краснѣетъ а потомъ порывисто бросается ей на шею.

Дѣвушка, которую Соня приняла за гувернантку, скоро пришла въ себя, Входя въ море, она оступилась, упала въ воду и была подхвачена волной. Ее поймали, вынесли на берегъ и она долго еще пролежала безъ чувствъ. Всѣ приняли ее за утопленницу, столпи-

лись вокругъ нея и сразу разнеслась молва, что она утонула. Но вскорѣ она открыла глаза и глубоко вздохнула. Ее отнесли домой, уложили въ постель, а на другой день она была уже совсѣмъ здорова.

А Соня сразу перемѣнилась. вмѣстѣ съ нею перемѣнился и ея двоюродный братъ: вскорѣ переѣхали изъ Крыма обратно въ усадьбу и достаточно было только Сонѣ сказать ему, что она помирилась со своей гувернанткой и стала ее любить и уважать, какъ и онъ самъ сдѣлался ея вѣрнымъ слугою. Лучше Анны Сергѣевны теперь не было для него никого на свѣтѣ. Вася не зналъ, чѣмъ ей прислужить, чѣмъ быть для нея полезнымъ, и, казалось, не существовало такого препятствія, котораго онъ не рѣшился-бы преодолѣть, чтобы только сдѣлать для гувернантки что-нибудь пріятное.

Скоро Анна Сергѣевна не могла нахвалиться Соней и Васей.

А затѣмъ дни потекли за днями и жизнь вошла въ свою ровную, обычную колею.

Однажды Соня подошла къ Аннѣ Сергѣевнѣ, взяла ее за руку и конфузливо опустила глаза.

— Пожалуйста, исполните мою просьбу... заговорила она.—Я напередъ знаю, что папа ничего не будетъ имѣть противъ.

— Что тебѣ, милочка? спросила ее гувернантка.

— Пригласите къ намъ жить вашу сестру... Мы будемъ вмѣстѣ

съ нею играть, бѣгать по саду. Я буду такая же послушная и прележная, какъ и она... Пожалуйста!..

Анна Сергѣевна схватила ее за голову и стала цѣловать ее въ лобъ, въ губы, въ глаза...

— Милая!.. Милая!.. только и могла она говорить.

А когда настала вечеръ, то Анна Сергѣевна взяла Соню и Васю за руки и пошла вмѣстѣ съ ними на телеграфъ. Станція желѣзной дороги была отъ усадьбы всего только въ полутора верстахъ. Здѣсь гувернантка взяла синюю бумагу и написала на ней слѣдующую телеграмму своей сестрѣ:

„Немедленно пріѣзжай сюда ко мнѣ. Ты будешь жить у насъ. Телеграфируй, когда нужно тебя встрѣчать“.

Она подала этотъ листокъ теле-

графисту, тотъ принялъ его и тотчасъ-же сталъ передавать по аппарату.

— А какъ-же ваша сестра поѣдетъ сюда одна? спросила Соня гувернантку.—Вѣдь въ дорогѣ ее могутъ обидѣть?

Анна Сергѣевна улыбнулась.

— Доброга не обидитъ никто, отвѣтила она,—а если кто и обидитъ, то вскорѣ самъ-же станетъ его другомъ. Побѣждаетъ только тотъ, кто добръ.

И всѣ вмѣстѣ, веселые и полные счастья жизни, они отправились обратно къ себѣ домой.

Было темно, свѣтили звѣзды, и на рѣкѣ кричали лягушки, и шумѣло мельничное колесо. Но кругомъ было тихо и безопасно и вдаль уютно и ласково свѣтились окна усадьбы.

Г. Б.

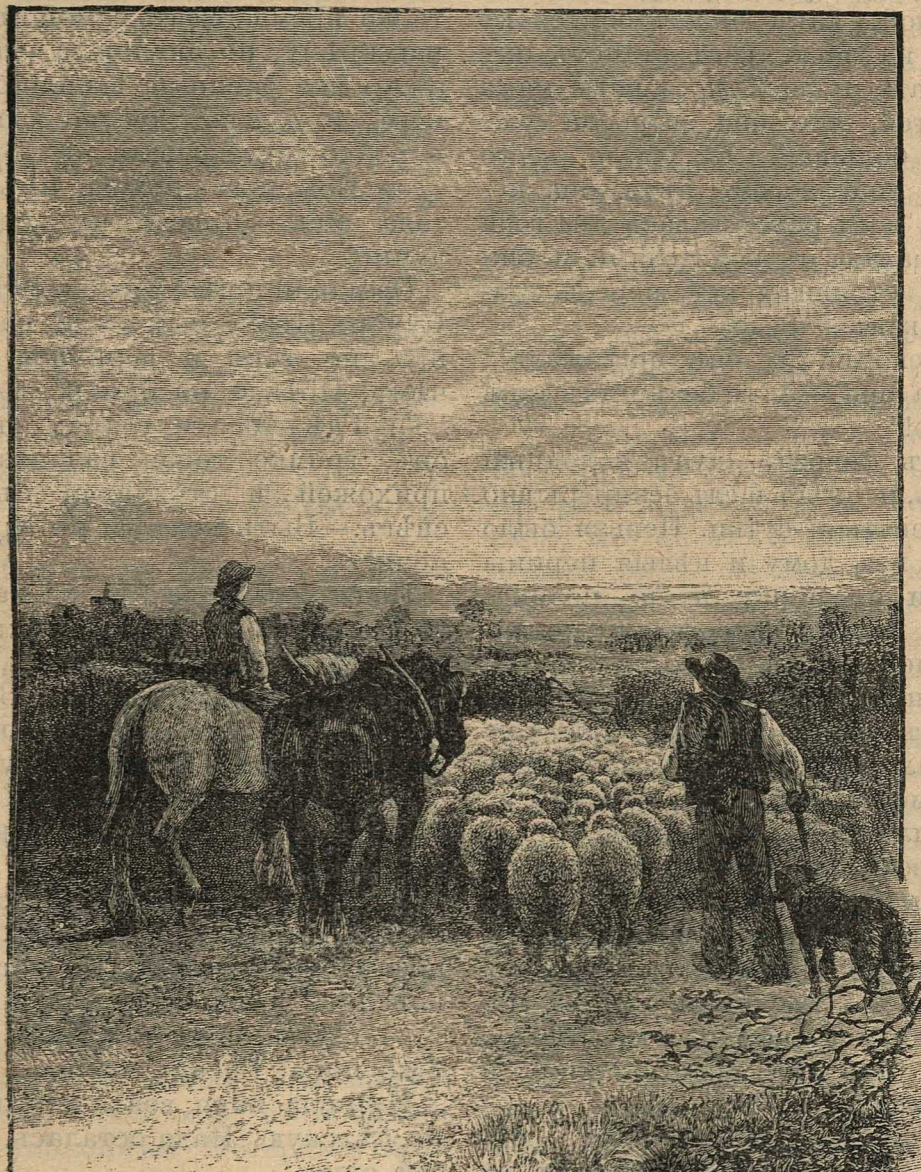
ВЪ МЕТЕЛЬ.

Папа заболѣлъ и долженъ былъ уѣхать на лѣченіе за границу. Мама не захотѣла отпускать его одного и тоже поѣхала съ нимъ. Дѣтей Надю, Мишу и Женю отвезли къ тетѣ въ усадьбу и попросили ее побереечь ихъ до возвращенія родителей обратно. Тетя-Соня отнеслась къ нимъ, какъ къ своимъ собственнымъ, и цѣлые два года, воспитывала ихъ и берегла. И теперь, когда окончились эти два года и пришло наконецъ извѣстіе, что папа и мама возвра-

щались обратно въ Россію, то Надя, Миша и Женя стали считать часы и минуты, когда вдругъ къ крыльцу подѣдутъ сани и изъ нихъ выйдутъ давно желанные папа и мама и вся семья опять заживетъ, какъ бывало, вмѣстѣ. Но въ то-же время и что-то безпокойное закрадывалось въ ихъ души. За эти два года Миша и Женя совершенно позабыли, какіе были ихъ родители, и не смогли бы узнать ихъ на улицѣ. Надѣ-же, какъ старшей, было за нихъ со-

Куку.

Пора домой!

W. H. Chisholm

вѣстно и она старалась рисовать себѣ радостную встрѣчу съ папой и мамой, какъ она бросится къ нимъ на шею, какъ станетъ ихъ обнимать и ласкать, и какъ мама удивится, что она выросла уже такая большая. Ей было всего только еще восемь лѣтъ, она помнила, какъ разставалась два года тому назадъ съ родителями, и они всегда стояли у нея передъ глазами, какъ живые.

„Поскорѣй-бы они пріѣзжали!“ думала она.—А то безъ нихъ такъ скучно!“

Быль февраль, дулъ холодный вѣтеръ, и снѣгъ шелъ непрерывно уже девятая сутки. Нельзя было выйти изъ дому и цѣлыя перины лежали по парку и по полямъ. Ѣхать можно было только по накатанной дорогѣ и стоило только лошади оступить или сойти съ нея въ сторону, какъ она уже угружала въ снѣгу по самое брюхо и не могла выбраться обратно.

Стояли снѣжные заносы.

И вотъ, въ такую-то погоду должны были пріѣхать папа и мама. Дѣти висли на обмерзшемъ окнѣ, негодовали на метель, тетя-Соня то и дѣло стаскивала ихъ съ подоконника и отводила къ дивану, чтобы они не простудились, и вздыхала:

— Ахъ, не занесло-бы ихъ снѣгомъ!.. Не насидѣтся-бы имъ въ вагонѣ среди поля!

А няня Ананьевна ходила тутъ же и то и дѣло повторяла:

— Ужаси-то, ужаси какія!.. Такъ и мететь, такъ и мететь!..

Эти опасенія и вздохи надрывали Надѣ душу. Она соскучилась по папѣ и по мамѣ, жаждала ихъ видѣть, и каждая минута промедле-

нія казалась ей невыносимой. Ей хотѣлось плакать, кричать и въ то-же время бѣжать самой къ нимъ навстрѣчу, но она знала, что изъ этого все равно не вышло-бы ничего, и только глубоко вздыхала и робко поглядывала на образъ.

— Боженька, помоги имъ! шептала она.— Доведи ихъ благополучно!

Ожидали пріѣзда въ пятомъ часу. Кучеръ Иванъ выѣзжалъ на станцію, но такъ и вернулся ни съ чѣмъ. Поѣздъ не прибылъ.

— Гдѣ-то застряли! сказалъ онъ, громко топая валенками въ прихожей и стряхивая съ себя снѣгъ.— Быть можетъ, пріѣдутъ къ ночи!

Надя услышала эти слова, сѣла въ гостиной въ уголокъ и горько заплакала. Миша и Женя, казалось, были равнодушны. Затѣмъ всѣ трое сѣли играть въ какую-то игру, проиграли до вечера и устали.

— Уфъ!.. потянулась Женя и зѣвнула.— Должно быть, ужъ они не пріѣдутъ вовсе!

И, взявъ на руки котенка, она пошла съ нимъ къ тетѣ-Сонѣ. Миша послѣдовалъ за ней. Но тетя волновалась и ей было не до дѣтей.

— Спать, спать! сказала она.— Уже пора! Восемь часовъ.

Пришла няня, взяла ихъ и увела въ дѣтскую. Надя осталась съ тетей одна.

— Тетечка, позволь мнѣ подождать еще!.. сказала она, и слезы заблестѣли у нея на глазахъ.

Тетя Соня провела у нея рукой по волосамъ. Надя показалась ей такой возбужденной, что все равно не смогла-бы долго заснуть, и потому она разрѣшила.

— Ну, посиди еще! отвѣтила она.

Надя сѣла рядомъ съ тетей и задумалась. Было непроглядно темно, но голыя вѣтви уже не гудѣли, и вѣтеръ не хлопалъ уже ставнями и не стучался въ двери. Гдѣ-то далеко, въ дѣвичьей, звонко кричалъ сверчокъ и слышно было, какъ въ столовой тикали часы. Прошелъ въ молчаніи часъ.

— А что, идетъ еще снѣгъ? вдругъ спросила Надя.

Тетя-Соня отдернула занавѣску и выглянула въ окно.

— Нѣтъ, кажется, уже пересталъ!.. радостно отвѣтила она.— Только очень темно!

И она позвонила. Явилась горничная.

— Иванъ не спитъ?—спросила она.

— Да, барыня... Всѣ въ людской еще не спятъ и на ногахъ... Все думаютъ, какъ-бы съ господами чего не случилось...

— Скажи Ивану, чтобы онъ зажегъ, фонарь и вышелъ съ нимъ пѣшкомъ къ станціи! Быть можетъ, поѣздъ уже пришелъ и господа уже наняли ямщика и ѣдутъ сюда. Я что-то слышала, какъ просвисталъ локомотивъ. Пусть онъ имъ посвѣтитъ!

— Слушаю, барыня!..

Горничная вышла. Съ каждой минутой тетя-Соня становилась все безпокойнѣе. Потерявъ наконецъ терпѣніе, она вышла въ прихожую и стала одѣваться.

— Пойду вмѣстѣ съ Иваномъ!— рѣшила она.

Надя тоже вскочила.

— „А что, если пойду и я“ подумала она.

Но она знала, что тетя-Соня все-равно не взяла бы ее съ собой, и потому не стала ее про-

сить и смолчала. Но какъ только тетя вышла изъ дому, она тотчасъ-же быстро одѣлась, наденула валенки и выбѣжала въ паркъ. Свѣжимъ, чистымъ воздухомъ пахнуло ей въ лицо и, послѣ освѣщенной комнаты, на дворѣ казалось еще темнѣе, чѣмъ было. Хрустѣлъ подъ ногами снѣгъ. Вдалекѣ, по аллеѣ, виднѣлись тетя-Соня съ горничной и Иванъ, освѣщаемые фонаремъ.

— Я пойду позади ихъ! рѣшила Надя.—Они меня не замѣтятъ!

Старшіе шли по дорогѣ на станцію, глубоко угружая въ снѣгу, и совершенно даже и не подозрѣвали, что по ихъ слѣдамъ, далеко позади нихъ, шествовала маленькая дѣвочка, съ бившимся отъ волненія сердцемъ и еле вытаскивала ноги изъ глубокаго снѣга. Они все шли и шли. Освѣщенный кругъ отъ фонаря все время слѣдовалъ за ними, а Надя пыхтя и выбиваясь изъ силъ, спѣшила за ними въ полной темнотѣ. Прошли полторы версты и не встрѣтили никого. Тетя-Соня со спутниками остановились и стали прислушиваться. Но не было слышно ни звонковъ, ни бубенчиковъ, ни фырканья лошадей.

— До станціи осталось теперь всего только двѣ версты, сказала тетя-Соня.— Возвращаться домой—далеко, такъ не лучше ли пойти ужъ на станцію? Тамъ и отдохнемъ.

— Нѣтъ, сударыня, вамъ не дойти! отвѣтилъ Иванъ.— Снѣгъ глубокой! Зайдите лучше къ лѣснику и тамъ погрѣйтесь! А я доберусь до станціи, узнаю, что тамъ и какъ, и вернусь къ вамъ. Пожалуйста!

Сбоку, въ лѣсу, привѣтливо свѣтилось окошечко въ избушкѣ лѣсника. Всѣ трое свернули туда. Тетя-Соня и дѣвушка постучались и вошли въ избушку. Иванъ остался съ фонаремъ одинъ и зашагалъ къ станціи.

И вдругъ позади него раздался тоненькій, дѣтскій голосокъ:—

— Иванъ, Иванъ! Подожди!

Иванъ вздрогнулъ, остановился и высоко поднялъ фонарь. Освѣщенный кругъ на снѣгу расширился, но все-таки не было видно никого.

„Это мнѣ такъ померещилось“... подумалъ Иванъ и пошелъ далѣе.

И вдругъ опять:— Иванъ! Иванъ!

Теперь онъ ясно слышалъ и остановился. Маленькая темная фигурка показалась вдаль.

— Да это чей-то ребенокъ! проговорилъ въ удивленіи Иванъ.— Никакъ это наша барышня? Такъ и есть!

Черезъ минуту она уже была около него. Она раскраснѣлась, запыхалась, и потъ капельками выступилъ у нея на лбу.

— Иванъ, милый, хорошій... заговорила Надя.— Я хочу встрѣтить папу и маму... Возьми меня, голубчикъ, съ собой! Я одна боюсь...

— Я не знаю, барышня... отвѣтилъ онъ, не зная, что съ ней дѣлать.— Вамъ-бы тоже къ лѣснику, да мы уже далеко отъ него отошли!...

Но она такъ убѣдительно смотрѣла на него, что ему стало ее жаль, и онъ взялъ ее за руку. Онъ любилъ ее и ему стало съ нею веселѣй.

— Ну, ладно! сказалъ онъ.— Пойдемте! Только, чуръ, барышня, не отставать!

— Нѣтъ, нѣтъ, Иванъ! возразила она.— Я еще не устала! Я смогу!

И она побѣжала рядомъ съ нимъ рысцой. Ей было такъ жарко, что отъ нея во всѣ стороны шелъ паръ.

Когда они пришли на станцію, то тамъ было пустынно. Двѣ тройки безъ кучеровъ стояли у коновязи. Свѣтились одинокіе фонари. Мужички спали на лавкахъ. Въ воздухѣ висѣлъ запахъ махорки. Было чуждо и неуютно.

— Ну, что? Какъ поѣздъ? спросилъ Иванъ у проходившаго мимо сторожа.

— Черезъ сорокъ минутъ придетъ! отвѣтилъ тотъ.— Расчистили... Сейчасъ получена телеграмма...

Надя обрадовалась. Сердце у нее забилось. Значить, скоро она увидитъ своихъ папу и маму и встрѣтитъ ихъ раньше всѣхъ. Какъ хорошо, что она пришла сюда сама!

Иванъ ввелъ ее въ дамскую комнату, раздѣлъ и усадилъ на диванъ. Ей было пріятно попасть въ домашнюю обстановку и отдохнуть. Сбоку была жарко натопленная печь, и отъ нея и отъ усталости Надю сразу же стало клонить ко сну.

Какъ только Иванъ вышелъ и оставилъ ее одну, она растянулась на диванѣ, стала думать о папѣ и о мамѣ и тотчасъ же нечаянно заснула.

Тѣмъ временемъ пришелъ поѣздъ. Иванъ находился на платформѣ. Онъ не разъ уже заглядывалъ къ Надѣ, но, видя, что она спитъ, рѣшилъ ее не беспокоить.

— Разбужу ее тогда, рѣшилъ онъ,—когда они пріѣдутъ.

Лошади уже были готовы. Онъ нанялъ ямщика и кликнулъ его тоже на платформу, принять отъ пріѣхавшихъ багажъ.

Но вотъ ужъ и они. Господинъ съ дамой, оба въ шубахъ, выходятъ изъ вагона и оглядываются по сторонамъ. Завидѣвъ снявшаго шапку Ивана, они догадываются, что онъ отъ тети-Сони, и киваютъ ему головами.

— Все благополучно? спрашиваютъ они. — Здравствуй, голубчикъ!

— Здравствуйте, баринъ - батюшка, отвѣчаетъ Иванъ. — Какъ ваше здоровье? Ужъ долго мы васъ заждались!

Затѣмъ Иванъ и ямщикъ берутъ багажъ и уходятъ укладывать его въ сани. Пріѣхавшіе слѣдуютъ за ними.

— Ну, а какъ дѣти? спрашиваетъ полная нетерпѣнія мать. — Здоровы?

— Всѣ слава Богу! отвѣчаетъ Иванъ.—Одна барышня тутъ...

— Гдѣ? Гдѣ? восклицаютъ оба разомъ папа и мама и не вѣрятъ своимъ ушамъ.

— Тамъ, въ дамской... Барышня крѣпко спитъ...

Забывъ обо всемъ, мать и отецъ бросаются въ дамскую комнату и припадаютъ къ ребенку. Боже мой, какъ она выросла! Неужели это Надя? Неужели-же они видятъ ее наконецъ своими собственными глазами?

— Надя, Надечка, Надя! кричитъ мать, и слезы такъ и струятся у нея по щекамъ.—Проснись-же! Я здѣсь! Я—твоя мать!

Надя думаетъ, что все это она

видитъ во снѣ, и не хочетъ просыпаться. Такъ прекрасенъ кажется ей сонъ.

— Да проснись-же, погляди на меня! продолжаетъ мать.

Надя съ трудомъ открываетъ глаза и вскакиваетъ въ удивленіи.

— Папочка! Мама! восклицаетъ она и бросается къ нимъ на шею.

Затѣмъ всѣ трое начинаютъ плакать. О, эти слезы радости! Можетъ-ли быть на свѣтѣ что-нибудь слаще ихъ?

А когда радость немного утихаетъ, они выходятъ къ лошадямъ. Пора уже садиться въ сани и ѣхать. Папа держитъ Надю на рукахъ. Она такъ закутана, что похожа на узелъ. Потомъ всѣ грузно усаживаются въ сани, Иванъ вспрыгиваетъ на облучекъ, крестится и говорить:

— Трогай!

Застоявшіяся лошади подхватываютъ, и колокольчики заливаются во всѣ свои голоса и, шелкая длинной-предлинной плетью, ямщикъ весело поводитъ плечами и потряхиваетъ головой и покрикиваетъ на лошадей:—

— Эхъ, вы милыя!..

Первый верстовой столбъ, лѣсъ, поле, потомъ опять лѣсъ и въ немъ избушка сторожа. Изъ нея выбѣгаютъ тетя-Соня и горничная, онѣ вскрикиваютъ отъ радости и начинаютъ ахать, охать и цѣловать пріѣзжихъ.

— А это кто здѣсь съ вами сидитъ? спрашиваетъ тетя-Соня, указывая на прижавшуюся въ глубинѣ кибитки Надю.

— Угадай!.. загадочно отвѣчаетъ мама.

Но тутъ Надя не выдерживаетъ характера и выдаетъ себя сама.

своимъ звонкимъ, счастливымъ смѣхомъ.

— Надя!.. всплескиваетъ руками тетя-Соня.—Какъ ты сюда попала?

Но пора уже ѣхать домой. Тамъ остались еще двое, съ которыми тоже очень хочется повидаться. Тетя-Соня влѣзаетъ въ сани, Иванъ и дѣвушка остаются, чтобы идти

пѣшкомъ, и ямщикъ снова взмахиваетъ плетью и кричитъ такъ звонко, что его можно услышать за цѣлую версту:

— Эхъ, вы милыя!

Лошади опять срываются съ мѣста и, гуськомъ, во весь духъ, мчатся къ усадьбѣ.

Гяльмаръ.

ГОЛОВЛОМКИ.

I.

Если одну букву взять сорокъ разъ, то получится птица, и если-бъ не эта буква, то арабъ попался-бы въ плѣнь и сталъ-бы невольникомъ. Какая это буква?

II.

Даны слова: носъ,
ноги,
брусъ,
канатъ,
катеръ.

Переставить въ нихъ буквы такъ, чтобы получились: изъ перваго подобіе смерти, изъ втораго то, что грѣть и свѣтить; изъ третьяго стѣны избы; изъ четвертаго то, изъ чего въ избахъ дѣлаютъ потолки и полы, и изъ пятаго названіе человѣка, играющаго на сценѣ. Начальныя буквы этихъ новыхъ словъ должны составить собою названіе дерева,

часто встрѣчающагося въ нашихъ лѣсахъ.

III.

Даны шесть словъ:

- 1) То, изъ чего состоятъ написанныя и напечатанныя слова.
- 2) То, что находится на крышѣ.
- 3) То, что дѣлаютъ изъ мяса, яицъ, картофеля, луку и кваса.
- 4) То, изъ чего состоитъ заборъ.
- 5) То, чего много на мельницѣ.
- 6) То, что вывѣшиваютъ на заборахъ и углахъ и что печатаютъ въ газетахъ.

Третьи буквы каждаго изъ этихъ словъ должны составить названіе города по пути изъ Москвы къ Черному морю.

Какія это слова и какой это городъ?

IV.

1) За столомъ сидѣли два отца и два сына; на столъ подали три яйца, при чемъ каждому доста-

лось по цѣлому яйцу. Какъ это могло случиться?

V.

Слово состоитъ изъ девяти буквъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Буквы 4, 7, 6, 1, означаютъ звѣря, 8, 7, 4, 9—рѣку въ Африкѣ, 2, 7, 4, 1—плотничій инструментъ, 6, 1, 8, 7—экипажъ, 4, 1, 2, 1—ногу у звѣрей, птицъ и насѣкомыхъ, 2, 1, 8, 3, 4, 5—принадлежность улицы, 4, 7, 8, 5—рыбу, 2, 4, 1, 8, 9—чертежъ, 6, 2, 7, 8, 1—часть тѣла, и 3, 4, 5—дерево. Найти всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ очень вкусный, душистый плодъ.

VI.

Почему пароходъ движется, когда въ немъ завертятся колеса?

VII (шарада).

Хоть я считаюсь первымъ слогомъ,
Но скоро всѣ меня найдутъ,
Коль назовутъ меня предлогомъ
Или сыграютъ, или споютъ.

А два вторые слога—карты,
Въ нихъ девяносто цифръ однихъ,
И будь ты молодъ, или будь
старъ ты,

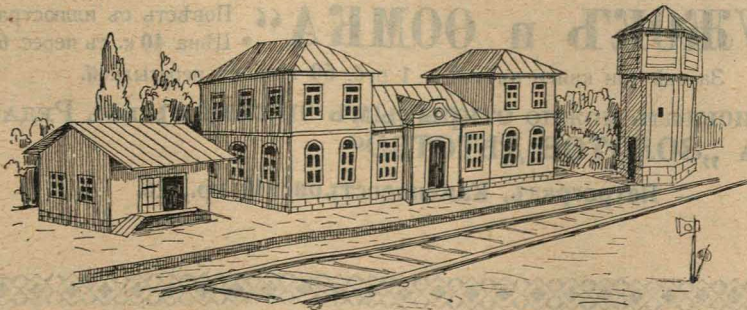
Сыграешь ты охотно въ нихъ.
И вещи болѣе полезной
У столяра ты не найдешь,
Чѣмъ этотъ инструментъ желѣзный,
Коль всѣ три слога ты поймешь.

VIII.

Если отъ слова, означающаго
большую рѣку, отнять первую
букву, то получится слово, означающее то, что находится въ этой рѣкѣ. Какія это слова?

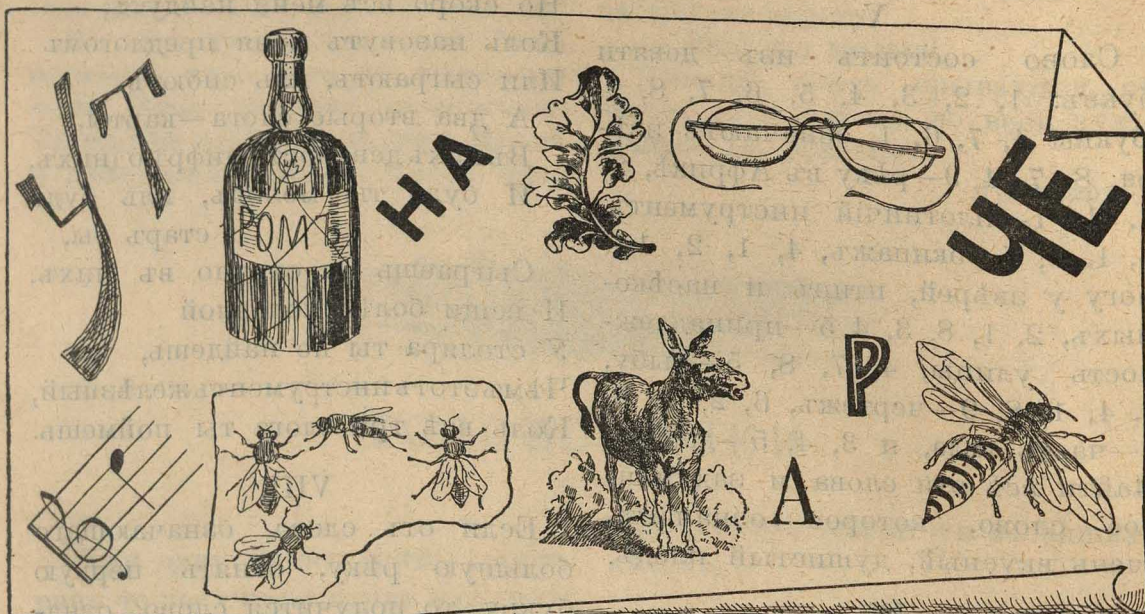
Рѣшеніе ребуса № 23, помѣщеннаго въ № 23 „Золотого Дѣтства“: С + въ + о + і + ми + д + уши + сты + ми + вѣтка + ми + ли + паукъ + рыла + насъ + отъ + дождь + я = Своими душистыми вѣтками липа укрыла насъ отъ дождя.

Вторныя рѣшенія прислали: Н. Верховскій, Н. Соловьева, А. Русистъ, В. Введенскій, Н. Трегубовъ, Н. Петриева, В. Янковскій, М. и Г. Тизенгаузенъ, А. Армениянъ, И. Флоринская, К. Полина, Гришутинъ, Оксаночка и Ниночка, В. и Н. Павловы, дѣти Романовскія, К. Смолина, С., Ж. и Ш. Бряквины, Б., К. и Т. Заблудовскія, В., Б. и Ш. Заксъ, дѣти Раковщикъ, Т. Каледина.

Модель приложенія къ этому номеру.

Ребусъ № 1.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

РЕКОМЕНДУЕТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

ДЛЯ ДѢТЕЙ:

„НАЙДЕНЫШЪ и ПОДКИДЫШЪ“ . Повѣсть съ иллюстраціями. Цѣна 40 к., съ перес. 60 к.

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“ . Съ иллюстраціями. Цѣна 40 к., съ перес. 60 к.

„ДРУЖОКЪ и ОМКА“ . Повѣсть съ иллюстраціями. Цѣна 40 к. съ перес. 60 коп.

За всѣ три книги вмѣстѣ — 1 руб. 60 коп. съ пересылкой.

Выписывать можно открытымъ 'письмомъ' изъ Редакціи журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

Петроградъ, Каменноостровскій пр., 26.

Годъ девятый

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1916 годъ.

на художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается внѣшнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаниемъ. Давая подписчикамъ въ 1915—1916 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакція задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы шарады, и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложения въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно выбранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство, въ красивыхъ обложкахъ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.).

Особое приложение для годовыхъ подписчиковъ:

Книга съ иллюстраціями:

„БРАТЪ И СЕСТРА“.

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ.

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ во все ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 4 р. 80 к., на полгода—2 р. 40 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

4 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.